

Чжоу Сяошу тихо положил лист на парту У Гана:

— Это тот лист, который ты вчера помог мне сорвать. Я вчера вечером подумал и всё же решил отдать тебе этот самый красивый. Вчера... это я был неправ.

— Спасибо, ничего. — У Ган аккуратно двумя пальцами взял тот лист. Влага в листе начала уменьшаться, но сохранялась мягкая ткань, на ощупь это было как бархат. У Ган помнил этот лист, это был один из листьев из первой кучи, которую он сорвал вчера. Он видел, как Чжоу Сяошу долго прыгал под тем деревом, каждый раз мог сорвать, но переживал, что повредит его, и убирал руку. Увидев эту сцену, в сердце У Гана поднялся порыв, он прямо влез на то дерево, на которое Чжоу Сяошу всё это время смотрел, и направился прямо к тому листу, который выбрал Чжоу Сяошу. Осторожно сжимая короткий черешок листа, он медленно спустился с дерева, подошел к Чжоу Сяошу и протянул руку с листом перед ним.

Глядя на удивленное выражение Чжоу Сяошу, он почувствовал, что его сердце растаяло.

Лазать по деревьям для У Гана было делом привычным. После того как мама умерла, его папа У Цин стал еще более непредсказуемым в настроении. То бил, то ругал, то устраивал холодный бойкот. У Ган в окружении смерти мамы и разнообразного насилия отца постепенно стал замкнутым и непослушным. Ему нравилось сидеть одному на самой толстой ветке большого дерева внизу, прислонившись спиной к стволу, смотреть, как перед глазами небо, разрезанное листьями на кусочки, кусками меняет форму. Иногда проплывало облако, он мог смотреть на эти бесследные облака и думать о маме, мог очень тихим голосом рассказывать обо всем, что происходит вокруг.

Он мог наслаждаться принадлежащим только ему покоем.

Его характер был из тех, кто мало говорит, плюс он не умел общаться с другими, поэтому его всегда изолировали. Изоляция тоже имела преимущество, по крайней мере, он не получал ран. Именно поэтому У Ган всегда хорошо жил в своем маленьком мире, каков бы ни был внешний мир, в своем сердце он открыл сказочный мир. Возможно, он летал с Питером Пэном под небосводом, возможно, смотрел, как Золушка держит принца за руку и танцует, возможно...

Наверное, это и есть маленькая принцесса.

Но Чжоу Сяошу стал исключением, он всё время входил в казавшуюся спокойной, но на самом деле очень хрупкую жизнь У Гана, и при этом У Ган не чувствовал дискомфорта.

Кленовый лист-закладка, зажатый У Ганом в книге, остался от Хань Яи. Тот красный был очень правильным. В то же время остался еще большой лист гинкго, тоже очень яркого желтого цвета, без единой примеси. В то время Хань Яи лежала на больничной койке, её бледная рука сжимала маленькую руку У Гана:

— Ган-ган, мама положила тебе в ящик конверт, внутри два листа, это закладки, которые мама использовала, когда читала книги. Ты должен хорошо их беречь, ты должен любить их, хорошо их использовать. Ты должен помнить, что мама тебя любит.

В день похорон Хань Яи, глядя на бумажную золу, которая в огне легко поднималась к небу, У Ган с слезами на глазах смотрел на эту летящую золу, и в сердце видел, как маленькие эльфы, сопровождавшие его, тоже разлетаются в этой золе. Жизнь после этого также постепенно вошла в правильное русло, но ученик первого класса был погружен в хаос жизни, совершенно отличный от предыдущего, и никто не мог представить, что это было за состояние.

Однако Ван Лин воочию видела, как У Ган день за днем становился молчаливее и замкнутее, но была бессильна. У Цин даже на родительские собрания почти не приходил, вовсе не заботился об учебе и жизни У Гана, Ван Лин видела это, и сердце её болело.

Перебирая тот лист, У Ган подумал о многом, но в итоге осторожно вложил тот лист в «Старик и море», который читал в третий раз, прямо на страницу перед тем красным кленовым листом.

На следующий день У Ган принес тот лист гинкго, который оставила мама, и осторожно положил в только что принесенную книгу «Лунный камень». Несколько раз хотел подарить этот лист Чжоу Сяошу, но в конце так и не сделал. Чжоу Сяошу же никаких особых чувств не испытывал, жил очень припеваючи.

Однако кто-то всё же обнаружил неладное с У Ганом, частью была Ван Лин и другие учителя-предметники, и еще один — Гу Мэнмэн.

Ван Лин всегда внимательно следила за У Ганом, обнаружить это было нетрудно. Сегодня У Ган не спал на парте, всё время был рассеян, то посмотрит на Чжоу Сяошу, то засунет руку в ящик и неизвестно что нащупывает. Даже на уроке он сидел прямо, изобразив вид внимательного слушания. Сегодняшние учителя-предметники во время занятий обнаружили, что У Ган не так, как раньше, всё время лежит на парте, хотя особо внимательно и не слушал, но постоянно смотрел на Чжоу Сяошу, но это тоже было удивительным делом.

Два дня подряд учителя-предметники приходили с отчетами, что У Ган в последнее время правда не такой, как раньше. Все учителя-предметники не восприняли это всерьез, просто так поболтали как о шутке. Ван Лин чувствовала, что все нынешние изменения У Гана были к лучшему, и все это было связано с Чжоу Сяошу, которого она пересадила к нему рядом. Держа в руках чашку горячего чая, чувствуя жар, идущий от чашки на лицо, она редким образом наслаждалась уютом. Это чувство было похоже на то, как цветок, который она выращивала, вяло рос долгое время: как бы ни добавляла удобрения, как бы ни старательно культивировала, он не хотел хорошо расти, и когда она уже хотела сдаться, вдруг однажды из-за ингредиента, добавленного случайно, он ожил и даже выпустил маленький бутон.

Это чувство было очень чудесным. Ван Лин как кошка прищурила глаза, чувствуя, что если пойдет по такой интенсивности, её преподавательская работа станет намного легче.

Что касается Гу Мэнмэн, она не знала, что произошло, но явно чувствовала, что раньше это был Сяошу, который косился на Великого Короля Демонов, а сегодня, казалось, всё наоборот, взгляд Великого Короля Демонов на Сяошу заставлял Гу Мэнмэн чувствовать себя некомфортно. Чувство в сердце Гу Мэнмэн было похоже на то, как если бы большой волк, спавший долго, вдруг проснулся и уставился на большую репу, которую она выращивала дома много лет, и пытался выдернуть её прямо.

Зачем Большому Волку не есть маленькую овечку, а есть мою репу?

Гу Мэнмэн сама причислила себя к разряду кроликов, однако в глазах других и она, и У Ган были волками, разница лишь в том, что один покладистее, другой очень холодный, но обоих нельзя было трогать.

После обеда, когда закончились занятия, Чжоу Сяошу как только собрал рюкзак, его позвала в учительскую Ван Лин. Когда Чжоу Сяошу выходил, У Ган еще лежал на парте, Чжоу Сяошу бросил рюкзак на парту и пошел за Ван Лин из задней двери класса.

— Сяочжоу, как дела lately? У Ган тебе не доставил никаких неприятностей?

— Нет, У Ган вполне неплохой. — По-прежнему беребя свой угол одежды, стоял там, жался.

Смотря на зеленый чай на своем столе, цвет чайного настоя был чистым, как чашка белой воды, чайные листья внутри полностью развернулись, осели на дно. На тетради с проверенными заданиями наполовину красные чернила еще не высохли, оставили кляксу на тетради.

— В этот раз позвала тебя поболтать, ничего другого, опять из-за У Гана. В последнее время состояние товарища У Гана явно стало намного лучше, все учителя видят это. В детстве у него дома произошли кое-какие дела. Я всегда очень переживала по этому поводу, но тоже была бессильна. У Ган отказывался от любого общения, у меня тоже не было возможности каждый день заниматься только им, выхода не было. Но после того как я пересадила тебя к нему рядом, его ситуация стала намного лучше, я чувствую, что эту задачу можно официально передать тебе. Теперь он может с тобой нормально общаться, это очень радостный прогресс, возможность начать общение говорит о том, что тень от того дела, принесенного ранее, уже прошла, по крайней мере, проходит потихоньку. Сяочжоу, учитель просит тебя об одной вещи, почаще болтай с товарищем У Ганом. Конечно, лишь бы не повлияло на твою учебу.

<http://bllate.org/book/17717/1655864>